

Николай Красильников

Сломанный Приговор

Николай Красильников

Сломанный Приговор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72322468

SelfPub; 2025

Аннотация

Анвар и Жора, сотрудники правоохранительных органов, оказались в сложной финансовой ситуации. С целью заработка они решили инсценировать преступление. Для этого они прибыли в село, где ранее цыгане совершили кражу у пенсионерки Екатерины Ивановны, и похитили оставшиеся у неё денежные средства. Однако сумма оказалась незначительной, и они начали искать дополнительные источники дохода.

В результате было принято решение о применении давления на первого попавшегося гражданина, Николая Марьина. Его задержали, доставили в отделение полиции и принудили к написанию чистосердечного признания. Однако, ввиду отсутствия, дело затягивалось. В связи с этим Анвар и Жора приступили к фальсификации улик.

Однако суд не принял во внимание представленные доказательства. Судья назначил двухмесячный срок для вынесения приговора. Верховный суд отменил приговор, вынесенный первой инстанцией. В дальнейшем было проведено повторное судебное разбирательство, в результате которого срок наказания был увеличен.

Николай Красильников

Сломанный Приговор

И прокурор, и приговор, и вор,
и отчего весь этот сыр и бор?
Ума бесспорный недобор,
Но пламенный ведется спор,
Как вымести полезный сор,
И почему у всех вельможный ор?!
Глава первая

Обещание Бога

И знайте, если увидите на небе
Радугу, то это значит, что я помню
о своем обещании.
Из Библии

Начало ноября, а точнее четвертое, было странным, и удивительным; с утра снег, затем дождь, а после обеда выступила Радуга: грандиозная, от горизонта и до горизонта и восхитительная, до умопомрачения, вероятно еще и оттого, что все вокруг было серым, унылым и беззвучным, и только она,

многоцветная прелестница прорицала Божью волю. Радуга сама по себе прекрасна всегда, но последние двадцать лет Марьин глядя на нее, вспоминал обещание Бога.

А Бог сказал, даже если я найду на земле хотя бы одного праведника, я не стану более уничтожать все человечество. А в знак того, что я помню о своем обещании на небе время от времени, будет выступать Радуга.

Добрый и отзывчивый, имеющий прекрасную, взлелеянную годами душу, Марьин неимоверно страдал. Его идеалы, все то, чем он жил годами, его взгляды и убеждения, день ото дня рассыпались как карточные домики. Разочарование одно за другим настигало его на протяжении длительного времени. Борьба с ними отнимала у него последние душевные силы. Как он усиленно искал и в своем ближайшем окружение, и среди чужих людей «праведника» и не находил. Все предавали его день за днем, все. Вольно, или невольно, но у него не было рядом, ни одного близкого человека.

Волк, Волк-одиночка, Алый! Эту роль ему навязывала судьба. Изгой, которого никто не понимал, и не мог понять. Поэт, писатель, милостью Божьей, одаренный от природы многими талантами, но родившийся в деревне и не могущий реализовать свои способности. Сильный духом, он упорно двигался вперед, и вперед, но проблемы, одна за другой сводили на нет его титанический труд. И тут он выдыхался полностью, до нуля, так что практически умирал, даже физически. За последние годы он должен был умереть уже десятки

раз, но почему-то Бог продлевал ему жизнь. Были минуты, когда жизнь в нем теплилась еле, еле, но огонек его души, по странному стечению обстоятельств не гас полностью, и спустя короткое время Алый вновь возродился, как птица Феникс из пепла. И вновь горел ярким пламенем; он не мог тлеть, не мог не гореть сердцем и душой.

Не только «праведника», Марьин не мог найти и правды, а вот без нее он и вовсе не мог жить. Жизнь все делала для того чтобы Алый озлобился, возненавидел людей, лютой злобой, с тем чтобы месть стала его смыслом жизни. Мстить всем и вся; все предают и все меня, это он чувствовал. И его от безумной мести спасал от этого только зов Бога, который он слышал постоянно в своем сердце и душе. Он понимал, что Бог, это всепрощение, и что когда Бог прощает, то выбрасывает и весь список прегрешений человека, и уже никогда более к нему не возвращается. А потому он изо всех сил старался простить людей.

Марьин понимал, что предать могут все, все кроме Бога. Что раз за разом его предают и предают, и чем дальше, тем больше. Он чувствовал, что у него только один путь, путь к Богу, что все, что ни происходит, говорит ему о том, что ему идти к Богу и только к Богу. Алый это понимал, но все откладывал и откладывал то время когда он должен был все оставить и служить только Богу. Что его держало, он не знал, но что-то замедляло его путь к Богу!

А в этот миг Марьин был в раздумье, извечный россий-

ский вопрос, что делать? У англичан быть или не быть? У них вроде бы проще: быть, значит быть, а не быть, значит не быть! Пятьдесят на пятьдесят. Всего-то два варианта, и нужно выбрать один. А у нас, что делать? А делать можно много. Вариантов тысячи, если не миллионы. Вот и выбери один из миллиона. Это какой мозговой процессор нужно иметь россиянину, чтобы все это обработать? Но нам не привыкать, у нас природная интуиция, она никогда еще не подводила, конечно же, выручит, и на сей раз.

Если бы дело касалось только Марьина, он бы знал что делать, идти до конца, до полной победы. Но здесь нужно было руководствоваться еще и принципом не навреди.

Определение Верховного суда республики, конечно же, было утешительным, от семи лет оставили три. И овцы живы и волки сыты. Это замечательно, но дело было в объективной справедливости, а не в подачках правосудия. Но увы, и в Верховном никто не стал разбираться с этим, на первый взгляд очень простым делом, а подошли к нему и не формально, и не объективно, и не предвзято, и вообще очень странно...

Алый, не переставал себе удивляться; прожить столько лет на Земле, тем более в стране, где не работают законы и еще во что-то верить, надеяться; на какую-то справедливость, в то, что с этим делом разберутся по закону и совести, как и должны прокуроры и судьи. Уму непостижимо – но он верил!

Марьин впервые в жизни вплотную столкнулся с право-

охранительной и судебной системой и был потрясен цинизмом и наглостью, бессовестностью и безответственностью. Судьба человек решалась одним росчерком пера, виноват или не виноват – будешь сидеть. И как сказал их адвокат, захотят посадить, посадят.

А сегодня Марьин только что приехал из столицы, где проходило заседание Верховного Суда Республики. Впервые он был на подобном заседании, тем более что рассматривалось дело его сына Николая Марьина.

Глава вторая

Цитата из УПК

Надежда умирает последней!

Я так его хотел

*Я счастлива ты мне подарила,
Чудеснейшего сына, мою кровь!
Под сердцем, девять месяцев носила –
Невероятно, я родился вновь!
Родился сын, и я родился,
Я прыгал, бегал и кричал!
О боже! Как же я гордился,
И сына в честь отца назвал!
Я счастлива, Боже милосердный,
Скорее ветра к сыну я летел,*

*Поймите люди, у меня он первый,
Родился сын, я так его хотел!*

До Верховного суда шли пешком целый квартал, машину пришлось оставить на соседней улице. Здание было старой, и скорее всего еще, дореволюционной постройки. Вход в него практически никем не охранялся, а пороги были исшарканы ногами до половины. «Это сколько же людей за десятилетия здесь побывало в поисках правосудия» – подумалось Марьяну.

И он приехал сюда с огромной надеждой в сердце и душе, что его сына наконец-то оправдают. Привез свидетелей, которые могли подтвердить алиби сына. Что в тот злополучный вечер Николай был у них дома. Сидел с ними и разговаривал о работе.

Узнав в каком зале будет проходить слушание по делу Марьяна, Алый и его спутники расположились рядом, кто, стоя, а кто на стульях.

В зал то и дело входил и выходил мужчина со стопками дел. Стопок было много, и дел было много, их вносил он и выносил пачками. На рассмотрение каждого дела уходило пять-десять минут. Они старались заглянуть в зал и посмотреть на телевизор в надежде увидеть Николая.

В коридоре кроме них находились пять женщин в национальной мусульманской одежде, две девушки, мужчина с женой и женщина лет пятидесяти на грани обморока, которая

то и дело вытирала платочком лицо. На нее невозможно было смотреть без содрогания.

– Вы что так сильно переживаете, как будто у вас кого к пожизненному заключению приговорить могут? – спросил ее Марьин.

– Так сын же ведь, – буквально выдохнула женщина.

– Кто по делу Марьиной? Проходите. – объявил один из судей.

Но едва Алый с друзьями прошли в зал, судья сказал:

– Суд переносится. Марьин заболел.

Алый в душе чертыхнулся – «только этого не доставало». Марьин знал, что сын болеет, но не думал что до такой степени. Опять проблема, придется выснять, насколько серьезно болен и что стоит предпринять. И самое главное это то что суд откладывается, и опять неизвестность. И подумалось, что зря приехали, за двести верст киселя хлебать.

Судья в этот миг спросил через телемост:

– Что с Марьиным, будет он или нет?

– Он здесь.

– Вы же сказали, что он болен.

– Я этого не говорил.

– Кто сейчас, Марьин?

– Нет. Антонов.

– Подождите в коридоре, мы вас позовем.

Родственники и друзья вместе с Марьиным вышли в ко-

ридор.

Марьин был уверен почему-то на все сто, что приговор оставят без изменений. И уже настроился по окончании суда поехать в правозащитный центр, в аппарат уполномоченного по правам человека, в прокуратуру, к президенту.

Но тут из тюрьмы объявили:

– Слушается дело Марьина.

Они прошли в зал, сели за стол с микрофонами и стали смотреть на монитор.

Сын Алого, Николай стоял в тельняшке и куртке, которую ему неделю назад привез Марьин.

Алый с болью в душе и сердце смотрел на сына. Тот держался молодцом, несмотря на болезнь.

Судья зачитал по протоколу все, что требовалось, и спросил:

– Ходатайства есть?

– Ваша честь, я прошу допросить в качестве свидетелей присутствующих в зале суда людей, – заявил ходатайство Николай Марьин и перечисли фамилии.

– Возражения есть?

– Да, Ваша честь, – поднялся молодой прокурор лет 25. – Эти свидетели уже были допрошены на предварительных слушаниях, и я не вижу смысла их допрашивать заново.

Судья посоветался со своими помощниками и заявил:

– Возражение принимается, и так переходим к рассмотрению дела.

Марьян еще более убедился в том, что приговор оставят в силе. Со слов сына, на последнем перед судом свидании он знал, что из протокола судебного заседания убрали до восьмидесяти процентов показаний в пользу его сына. Протокол подчистили на этот раз, как только могли. Именно поэтому он и привез на суд свидетелей, чьи показания могли в корне изменить ход суда, и которых не захотели выслушать. И сердце Алого защемило в предчувствии плохого. Он знал, что его сын уже устал сидеть в СИЗО шесть месяцев. Эти перевозки на суды, судебные заседания, из одного город в другой за десятки километров. Его сокамерники в тюрьме сменились уже два раза – увезли в лагерь. Его сын тоже как то сказал на «свиданке», что все надоело, скорей бы в лагерь.

В это время один из судей что-то рисовал на листочке, второй подперев голову рукой, мирно дремал.

И тут Алый понял, почему он был уверен, что приговор не отменят: вся атмосфера в Верховном суде и в этом зале была пропитана равнодушием. И ему с его чувствительностью, с идеальным логическим мышлением, с экстрасенсорскими способностями интуитивно не доставало труда это понять. За десятилетия существования этого здания все, даже стены пропитались равнодушием к людским судьбам, к боли и страданиям, слезам.

Равнодушие победило в этой борьбе за объективность и справедливость. Все чаяния людей найти здесь истину разбивались о формалистику и нежелание разбираться в делах.

Здание действительно было старым, и Марьин подумал, что в нем, наверное, судили еще Александра Ульянова. Революционеров, а потом в тридцатых, «врагов народа». Это сколько же людских судеб прошло через это здание!!! И каждая судьба оставила свой отпечаток в этих стенах, как роспись на стене Рейхстага наших победителей. Только здесь в воздухе витали судьбы побежденных, и проигравших суды и процессы. И эти судьбы людские взывали к справедливости и милосердию, а им в ответ тишина и смертельное равнодушие.

– Марьин, вы заходили к потерпевшей в тот вечер? – Строгим голосом спросил судья.

– Нет, Ваша честь, не заходил, – твердо ответил Николай Марьин.

– Почему вы вначале признались?

– Гамбитов и Охватов угрозами заставили меня это сделать, я боялся за свою жизнь и здоровье. Я впервые был в подобной ситуации и испугался их угроз.

– Судебное заседание объявляется закрытым, суд переходит к прениям.

– Ваша, честь я прошу оставить приговор без изменений, – высказал свое мнение прокурор.

– Адвокат Зайдуллина просит Марьина оправдать полностью за отсутствием состава преступления и улики, – зачитал судья.

– Суд удаляется на совещание, – объявил судья.

И трое судей в мантиях удалились в комнату для совещаний.

Вот и все судебное заседание Верховного суда республики, на которое Алы́й возлагал столько надежд. Два риторических вопроса, конечно же, не могли положительно повлиять на приговор.

Дело рассматривалось в Верховном суде уже второй раз. Впервые оно слушалось после того как городской суд Андреевска приговорил сына Алого к пяти годам строгого режима. В тот раз Верховный суд отменил приговор городского и направил дело на новое судебное разбирательство. Новое судебное разбирательство приговорило Марьина младшего уже к семи годам строгого режим. Это чтобы неповадно было подавать апелляции в Верховный суд. Пять лет вас не устроило, возьмите семь лет. А будете рыпаться, еще увеличим срок, тем более что статья позволяла его накрутить аж до двенадцати лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.